

Шарль Пегг. ¹⁾

Въ серединѣ сентября прошлаго года въ *Echo de Paris* появилась передовая статья М. Барреса, изъ которой широкая публика узнала о гибели на берегахъ Марны одного изъ выдающихся французовъ, публициста и поэта Шарля Пегги (Péguy). Кто такой былъ Шарль Пегги? Большая публика мало знала этого писателя. Какъ издатель „*Cahiers de la Quinzaine*“, онъ сталъ немного извѣстенъ съ тѣхъ поръ, какъ въ этой сериіи появился многотомный романъ Romain Rolland: „*Jean Christophe*“. Его знали также немного послѣднее время какъ поэта, автора книги „*Le mystère de la charité de Jeanne d'Arc*“. Въ ежедневной прессѣ его имя промелькнуло нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда французская академія отказалась присудить ему премію за лучшее литературное произведение и, вмѣсто причитающихся въ такомъ случаѣ 10,000 франковъ, дала ему 8,000 фр.

Пегги былъ болѣе счастливъ въ тѣсномъ кругу своихъ почитателей; здѣсь къ нему относились съ большимъ уваженіемъ и видѣли въ немъ крупнаго человѣка. Вокругъ его *Cahiers*, абонентами которыхъ остались до послѣдняго времени нѣсколько бывшихъ и теперешнихъ министровъ, собрался небольшой кругъ читателей, которые оставались вѣрны поэту и писателю въ теченіе всей его, полной какъ будто бы рѣзкихъ измѣненій, литературной дѣятельности.

Задачей нижеслѣдующихъ страницъ не является дать біографію Пегги и очертить вполне характеръ его литературной дѣятельности. Мы поставили себѣ цѣлью выясненіе нѣсколькихъ или, вѣрнѣе, одной проблемы, которая интересовала Пегги въ теченіе всей его жизни и отношеніе къ

¹⁾ Сочиненія Пегги, которыми мы пользуемся въ настоящей статьѣ, принадлежатъ къ послѣднему періоду литературной дѣятельности писателя, когда болѣе всего выяснилась его философская и религіозная фізіономія. Полной характеристикой этого писателя мы не пытаемся давать; для этого понадобилась бы цѣлая монографія, въ которой пришлось бы коснуться общественной жизни Франціи послѣднихъ двадцати лѣтъ.

которой характеризуетъ общественную и моральную фізіономію этого замѣчательнаго человѣка.

Пегі былъ сначала рынымъ дрейфусаромъ; будучи студентомъ *École Normale Supérieure*, онъ принимаетъ участіе въ кампаніи за пересмотръ дѣла Дрейфуса; затѣмъ онъ былъ близокъ къ дѣятелямъ современнаго социализма, съ которыми разошелся во время министерства Комба. Приблизившись въ послѣдствіи къ католицизму и ставъ даже ревностнымъ католикомъ, онъ былъ одинаково далекъ какъ отъ представителей офіціального католицизма, такъ и отъ современныхъ модернистовъ.

Если мы видимъ, такимъ образомъ, что Пегі въ своей общественной и литературной дѣятельности претерпѣлъ эволюцію, и что эту дѣятельность можно раздѣлить на періоды, мы однако въ правѣ себя спросить: не характеризуются ли всѣ эти періоды литературной и публицистической дѣятельности Пегі какой-нибудь общей чертой? Для выясненія этого вопроса обратимся прежде всего къ произведенію, въ которомъ Пегі въ связи съ воспоминаніями дѣтства говоритъ о своемъ отношеніи къ церкви и республикѣ и подвергаетъ суровой критикѣ нѣкоторыя явленія современной экономической жизни.

Въ одномъ мѣстѣ этого сочиненія Пегі касается, между прочимъ, своего отношенія къ своимъ свѣтскимъ и духовнымъ воспитателямъ¹⁾.

„Это было,—говоритъ Пегі,—въ 1880 году. Это было, слѣдовательно, въ пору самаго расцвѣта движенія въ пользу свѣтскаго образованія (*laïcisation*). Но мы этого не замѣчали. Мы были однако какъ разъ на мѣстѣ для того, чтобы почувствовать это. Если только что открытыя учительскія семинаріи составляли душу и очагъ молодого движенія въ пользу свѣтскаго образованія, то наша орлеанская учительская семинарія была чистой изъ чистыхъ. Она представляла одну изъ головъ и душъ движенія въ пользу свѣтскаго образованія. Ноди²⁾ лично былъ большимъ поборникомъ этого движенія. Счастливое дѣтство, счастливая невинность! Да будетъ благословенна здоровая раса. Все для насъ было хорошо. Все намъ удавалось. Мы брали изъ всѣхъ рукъ, и все оказывалось здоровой пищей для насъ. Мы ходили на уроки катехизиса по четвергамъ, думаю, для того, чтобы это не мѣшало нашимъ занятіямъ...

1) Французскій философъ Бергсонъ въ разговорѣ съ пишущимъ эти строки, говоря о Пегі, выразился слѣдующимъ образомъ: „il était libre penseur dans la religion et religieux dans la libre pensée“ („Онъ былъ свободомыслящимъ въ религіи и религіознымъ въ свободомысліи“). Приводимый текстъ показываетъ, что эта черта характера Пегі имѣетъ глубокіе корни и какъ бы обнаруживается уже въ Пегі ребенкѣ-подросткѣ.

2) Naudy былъ директоромъ орлеанской учительской семинаріи (*école normale*), при которой находилась школа, въ которой Пегі получилъ начальное образованіе. Брошюра „L'argent“ является какъ бы введеніемъ къ произведенію Naudy о начальномъ образованіи во Франціи, напечатанному въ „Cahiers de la Quinzaine“ въ 1913 г.

„Наши молодые священники говорили намъ какъ разъ противоположное тому, что намъ говорили наши молодые учителя-семинаристы. Но мы этого не замѣчали. Республика и Церковь преподносили намъ въ своемъ преподаваніи діаметрально противоположныя вещи. Но не все ли это было равно, лишь бы насъ учили! Въ преподаваніи и въ дѣтствѣ есть нѣчто столь священное, въ этомъ первомъ открываніи глазъ ребенка на міръ, въ этомъ первомъ взглядѣ есть нѣчто столь религиозное, что эти два преподаванія сливались въ нашихъ сердцахъ, и мы хорошо знаемъ, что они останутся тамъ вѣчно связанными. Мы любили Церковь и Республику вмѣстѣ, мы ихъ любили однимъ и тѣмъ же сердцемъ, однимъ и тѣмъ же дѣтскимъ сердцемъ, для насъ онѣ составляли тотъ обширный міръ, въ которомъ находились оба предмета нашей любви, слава и вѣра, и этотъ міръ былъ для насъ новымъ міромъ. А теперь?... Теперь, очевидно, мы ихъ не любимъ той же любовью, потому что насъ научили тому, что есть степени любви. Церкви принадлежитъ наша вѣра и все, что связано съ послѣдней. Но Господь одинъ знаетъ, что для насъ значитъ Республика, съ которой насъ связываетъ и наша честь и наше сердце, и насколько мы будемъ ее отстаивать, потому что она была однимъ изъ двухъ чистыхъ воспріятій нашего дѣтства.

„Мы были маленькими серьезными подростками этого серьезнаго города, невинными и въ сущности уже полными заботъ. Мы принимали въ серьезъ все, что намъ говорили: и то, что намъ говорили наши свѣтскіе учителя, и то, что намъ говорили наши католическіе учителя. Мы все принимали буква въ букву. Мы вѣрили вполне и въ равной мѣрѣ, одной и той же вѣрой, во все, что было въ грамматикѣ, и во все, что было въ катехизисѣ. Мы *учили* грамматику и мы *учили* также катехизисъ. Мы *знали* грамматику и мы *знали* также катехизисъ. Мы не забыли ни того, ни другого. Но здѣсь слѣдуетъ коснуться одного явленія, гораздо менѣе простаго. Я хочу говорить о томъ, какія перемѣны произошли въ нашемъ отношеніи къ этимъ двумъ метафизикамъ, такъ какъ, само собой понятно, все должно имѣть свою метафизику...

„Всякій имѣетъ свою метафизику, явную или скрытую... Наши учителя также имѣли метафизику. И зачѣмъ это замалчивать? Они этого не замалчивали, никогда не замалчивали. Метафизикой нашихъ учителей была, во-первыхъ, школьная метафизика. Затѣмъ она была главнымъ образомъ метафизикой *науки*, это была матеріалистическая метафизика (эти существа, полныя души, имѣли матеріалистическую метафизику, но такъ всегда бываетъ, и въ то же время идеалистическую, глубоко моралистическую и, если хотите, кантіанскую); это была позитивистическая метафизика, это была извѣстная метафизика прогресса. Метафизику же кюре составляла теологія, метафизика, которая заключается въ катехизисѣ...

„Я сказалъ уже, что мы вѣрили всецѣло во все, что намъ говорили. Мы были маленькими человѣчками, принимавшими все въ серьезъ... Мы такимъ образомъ вѣрили всецѣло въ то, чему учили насъ наши учителя, и въ то, чему учили насъ наши кюре... Теперь я могу сказать, безъ боязни оскорбить кого бы то ни было, что метафизика нашихъ учителей не существуетъ болѣе ни въ какомъ видѣ ни для насъ, ни для кого бы то ни было, и что метафизика нашихъ кюре овладѣла нашими существами такъ глубоко, въ такой степени, какъ и не подозрѣвали наши кюре. Мы не вѣримъ болѣе ни слову изъ метафизики, которую преподавали намъ наши учителя. И мы вѣримъ всецѣло въ то, что находится въ катехизисѣ, это стало и осталось нашей плотью...

Однако наши свѣтскіе учителя сохранили всѣ наши привязанности, сохранили наше полное довѣріе. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, чтобы наши старые кюре пользовались нашимъ полнымъ расположеніемъ, чтобы они когда-либо пользовались нашимъ довѣріемъ“ (L'argent, 1913, p. 35—39).

Что же такъ связывало Пеггъ съ его свѣтскими учителями? Это то, что эти „учителя были по существу своему и въ глубокой степени людьми старой Франціи. Человѣкъ не характеризуется тѣмъ, что онъ дѣлаетъ и еще менѣе тѣмъ, что онъ говоритъ. Въ самомъ глубокомъ смыслѣ человѣкъ характеризуется только тѣмъ, что онъ есть. Что намъ до того, что наши учителя исповѣдывали метафизику, которая имѣла цѣлью разрушить старую Францію. Наши учителя родились въ томъ домѣ, который они хотѣли разрушить. Они были настоящими сыновьями этого дома. На нихъ лежалъ отпечатокъ нашей расы, а это вѣдь самое главное. Мы хорошо знаемъ, что не ихъ метафизика повергла на землю наше старое жилище. Домъ погибаетъ только изнутри. Сами защитники трона и алтаря повергли на землю тронъ и, насколько было въ ихъ силахъ, также алтарь.

„Очень часто смѣшиваютъ человѣка, существо человѣка съ той несчастною личностью, роль которой мы играемъ въ жизни. Въ путаницѣ, въ спѣшкѣ современной жизни ничего не разсматриваютъ; достаточно, чтобы кто-нибудь что-либо слѣлалъ (или дѣлалъ видъ, что дѣлаетъ), чтобы говорили (и даже вѣрили), что въ этомъ его сущность. Никакое заблужденіе не является, можетъ быть, столь ложнымъ и, можетъ быть, столь опаснымъ...

„Дѣятели французской революціи были представителями стараго режима. Они *произвели* французскую революцію. Но они *принадлежали* къ старому режиму. И едва ли дѣятели 48 года или мы представляемъ результатъ французской революціи, то-есть то, что они хотѣли сдѣлать изъ французской революціи. И, можетъ быть, этого никогда не будетъ.

Такъ и наши добрые свѣтскіе учителя вводили, *играли* новыя метафизическія теоріи. Но они *были* людьми старой Франціи.

„Напротивъ, всѣ великіе монополисты стараго режима между нами — такіе же современные люди, какъ всѣ мы. Они ни въ коемъ случаѣ не являются представителями старой Франціи, въ нихъ этой Франціи еще менѣе, чѣмъ въ другихъ. Они реакціонеры, но они менѣе консерваторы, чѣмъ мы. Они не разрушаютъ республики, но они дѣлаютъ все, чтобы подорвать почитаніе, уваженіе, которое составляло самую основу стараго режима. Можно сказать, что эти сторонники стараго режима имѣютъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова только одну идею, которая состоитъ въ томъ, чтобы разрушить все то, что мы сохранили прекраснаго и здороваго отъ стараго режима и что еще такъ значительно. Они группируются въ лиги, они присвоили себѣ образъ мыслей сторонниковъ лиги, забывая, что *лига* ни въ коемъ случаѣ не была учрежденіемъ королевской власти, что она была, напротивъ, ея болѣзнью, возвѣщеніемъ новыхъ временъ, началомъ интриги, вмѣшательства толпы, значенія числа, голосованія и Богъ вѣсть какой парламентской демократіи“.

„Напротивъ, наши старые учителя были не только представителями старой Франціи. Въ своемъ преподаваніи они преподносили намъ мораль и сущность старой Франціи. Я ихъ очень удивлю, если скажу, что они учили насъ тому же, чему учили насъ наши кюре. И кюре преподавали намъ то же самое, что они. Всѣ противоположности ихъ метафизическихъ ученій совершенно сглаживались этой глубокой общностью, тѣмъ, что они были представителями одной и той же расы, одного и того же времени, одной и той же Франціи, одного и того же режима...“

Тѣ и другіе и съ ними наши родители... учили насъ той нелѣпой морали, которая создала Францію и которая до сего дня мѣшаетъ ей распасться, той глупой морали, въ которую мы вѣрили, той морали, которую мы, глупые и малообразованные люди, несмотря на всякія разочарованія, которыя намъ приносятъ дѣйствительность, хранимъ въ глубинѣ нашего сердца. Всѣ втроемъ они учили насъ этой морали, они говорили, что человѣкъ, который трудится и который не сходитъ съ пути истины, можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ будетъ болѣе или менѣе обезпеченъ въ жизни. Еще болѣе удивительно то, что они вѣрили въ это и что *это было* въ самомъ дѣлѣ вѣрно“ ¹⁾.

Далѣе Пегги указываетъ, что по своему состоянію современное общество сильно отличается отъ недавняго прошлаго.

„Мы были воспитаны,—говоритъ Пегги,—въ совѣтѣмъ другомъ мірѣ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что ребенокъ, воспитанный между

¹⁾ Ib., p. 44.

1873 и 1880 годами въ такомъ городѣ, какъ Орлеанъ, приходилъ въ соприкосновеніе въ буквальный смыслъ этого слова съ старой Франціей, съ старымъ народомъ, съ народомъ безъ кавычекъ, что онъ въ буквальный смыслъ слова составлялъ часть старой Франціи, стараго народа. Тогда старая Франція была еще нетронутой. Разгромъ совершился вдругъ, въ промежутокъ, который продолжался всего нѣсколько лѣтъ.

„Мы же еще имѣли возможность чувствовать старую Францію, мы знали ее еще нетронутой. Мы были ея дѣтьми. Мы знали настоящій народъ, мы находились въ соприкосновеніи съ нимъ, мы были дѣтьми народа, когда народъ еще существовалъ. Послѣдній рабочій того времени былъ отпрыскомъ старой Франціи, между тѣмъ какъ теперь наиболѣе невоздержный ученикъ Морраса ¹⁾ не имѣетъ въ себѣ ни атома человѣка старой Франціи.

„Одна очень умная женщина, которая съ легкостью несетъ возрастъ въ семьдесятъ съ лишкомъ лѣтъ, говорила недавно: міръ менѣе измѣнился въ теченіе моихъ первыхъ шестидесяти лѣтъ, чѣмъ въ послѣднія десять лѣтъ. По моему мнѣнію, слѣдуетъ итти далѣе и сказать: міръ менѣе измѣнился со времени рожденія Иисуса Христа, чѣмъ въ послѣднія тридцать лѣтъ. Существовала эпоха античная (и библейская), существовала эпоха христіанская. И существуетъ современная эпоха. Хуторъ въ департаментѣ Веаусе сейчасъ же послѣ войны гораздо менѣе отличался своими нравами, своимъ статутомъ, своими устоями, своимъ достоинствомъ отъ галло-романскаго хутора, чѣмъ современный хуторъ отъ хутора предыдущей эпохи. Мы знали время, когда, если женщина произносила слово, въ ней говорила ея раса, ея существо, ея народъ. И это слово значило что-нибудь. И когда рабочій закуривалъ свою трубку и что-либо говорилъ, то это не было тѣмъ, что журналистъ писалъ въ сегодняшней утренней газетѣ. Свободомыслящіе того времени были болѣе христіанами, чѣмъ набожные нашего времени. Обыкновенный приходъ того времени былъ гораздо ближе къ приходу XV вѣка или IV в., или, скажемъ, V или VIII в., чѣмъ къ современному приходу“ („L'argent“, р. 12—13).

Въ то доброе старое время къ работѣ относились иначе, чѣмъ теперь: трудъ былъ молитвой, а мастерская—храмомъ.

Рабочіе работали, а не служили. У нихъ была своя честь. Стулъ долженъ былъ быть сдѣланъ хорошо не потому, что за это получали заработную плату, не потому, что нужно было хорошо сдѣлать для хозяина, для знатоковъ, для клиентовъ хозяина. Онъ долженъ былъ быть

¹⁾ Charles Maurras—вождь современныхъ французскихъ роялистовъ, органомъ которыхъ является „Action Française“.

сдѣланъ хорошо самъ по себѣ: традиція, честь этого требовали. Части стула, которыя не были видны, должны были быть такъ же хорошо сдѣланы, какъ части стула, которыя видны.

„Эти рабочіе были бы очень удивлены, несказанно велико было бы не ихъ отвращеніе, но ихъ недовѣріе (они думали бы, что надъ ними хотятъ пошутить), если бы имъ сказали, что нѣсколько лѣтъ спустя на постройкахъ рабочіе-компаньоны поставятъ себѣ официальной задачей успѣвать возможно менѣе и что рабочіе это будутъ считать большой побѣдой. Такая идея, если мы допустимъ, что они могли бы ее понять, была бы въ ихъ глазахъ чѣмъ то равносильнымъ тому, какъ если бы покушались на ихъ достоинство, потому что это значило бы сомнѣваться въ ихъ способности, потому что это значило бы предположить, что они не успѣютъ столько, сколько они могутъ. Это равносильно тому, что сказать заранѣе солдату, что онъ не выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы.

„Имъ далѣе были свойственны все прекрасныя чувства, сопутствующія, связанныя съ этими чувствами: уваженіе къ старикамъ, родственникамъ и чувству родственной связи; уваженіе къ ребенку; конечно, уваженіе къ женщинѣ (и слѣдуетъ сказать, потому что въ настоящее время какъ разъ этого недостаетъ: уваженіе женщины самой женщиной); уваженіе къ семьѣ, уваженіе къ семейному очагу; и въ особенности чистый вкусъ, и уваженіе къ самому чувству уваженія; уваженіе къ инструменту, орудію, работѣ и рукѣ, этому наивысшему инструменту. Мысль о томъ, что можно было бы испортить инструменты, которыми пользуются при работѣ, имъ не казалась бы послѣднимъ изъ святотатствъ, имъ не казалась бы худшимъ изъ сумасшествій, имъ не казалась бы уродствомъ, это было бы въ ихъ глазахъ самымъ чудовищнымъ предположеніемъ; это было для нихъ равносильно тому, какъ сказать, чтобы отрѣзать себѣ руку. Потому что инструментъ, орудіе работы есть только болѣе длинная рука, или болѣе твердая (стальные ногти), или особымъ образомъ приспособленная, — рука, которую себѣ сдѣлали для определенной цѣли. На рабочаго, который портитъ инструментъ, они смотрѣли бы въ этой войнѣ какъ на рекрута, который отрѣзываетъ себѣ большой палецъ.

„Замѣтьте, что въ сущности нынѣшнихъ рабочихъ мало занимаетъ ничегонедѣланье на постройкахъ, въ мастерскихъ. Они предпочли бы работать. Недаромъ они являются отпрысками этой трудолюбивой расы. Они слышатъ зовъ этой расы. Рука чешется, она хочетъ работать. Рукѣ скучно отъ ничегонедѣланья. Кровь играетъ въ ихъ жилахъ. Голова работаетъ и напередъ овладѣваетъ готовой работой. Какъ ихъ отцы, они слышатъ этотъ глухой призывъ работы, которая хочетъ быть сдѣланной. И въ сущности, они сами себѣ противны тѣмъ, что они пор-

тять инструменты. Но настоящіе господа, ученые, буржуа, объяснили имъ, что въ этомъ заключается социализмъ, что это есть революція.

„Не слѣдуетъ переставать повторять это. Вся бѣда пришла отъ буржуазіи. Вся aberrация, все преступленіе исходитъ отъ нея. Капиталистическая буржуазія заразила народъ—заразила буржуазнымъ, капиталистическимъ духомъ.

„Я говорю нарочно капиталистическая буржуазія и крупная буржуазія. Буржуазія трудовая, наоборотъ, буржуазія мелкая стала самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ социальныхъ классовъ; она осталась единственнымъ классомъ, который дѣйствительно работаетъ, единственнымъ классомъ, который сохранилъ нетронутыми всѣ добродѣтели трудового рабочаго класса и который въ награду за это живетъ въ настоящей нищетѣ... И если когда-нибудь послѣдуетъ какое-либо возрожденіе, то это потому, что она сохранила нетронутыми устои жизни“ („L'argent“, р. 19—21).

Пегі, такимъ образомъ, является противникомъ тактики современнаго французскаго социализма въ его синдикалистской формѣ; мы увидимъ ниже, что онъ не менѣе нападалъ на этотъ социализмъ въ его политической формѣ. Но Пегі самъ въ прежнее время былъ приверженцемъ социализма. Каковъ же былъ его социализмъ?

Онъ даетъ на это слѣдующій интересный отвѣтъ.

„Нужно ли мнѣ сказать, что самый социализмъ нашъ, нашъ предшественный социализмъ ни въ коемъ случаѣ не былъ антифранцузскимъ, антипатріотическимъ, *антинациональнымъ*. По существу своему онъ былъ *интернациональнымъ* въ строгомъ смыслѣ этого слова. Онъ не только не ослаблялъ, не стиралъ народнаго характера, онъ, наоборотъ, усиливалъ оздоравливалъ его. Мы придерживались, наоборотъ, положенія и мы придерживаемся его еще въ настоящее время, что буржуазія, буржуазный капитализмъ, саботажи буржуазный и капиталистическій обезличиваютъ націю и народъ. Нечего говорить, что не было ничего общаго между нашимъ тогдашнимъ социализмомъ и между тѣмъ, что въ настоящее время называется социализмомъ. Здѣсь также политика сдѣлала свое дѣло, и нигдѣ политика такъ не разрушила, такъ не изуродовала мистику, какъ здѣсь. Когда я говорю политика, я подъ этимъ подразумеваю политику профессиональныхъ политическихъ дѣятелей, политику политикановъ. Мистику еще сильнѣе изуродовали изобрѣтеніемъ, введеніемъ саботажа, который является политическимъ изобрѣтеніемъ въ той же мѣрѣ, какъ голосованіе, *хуже даже, чѣмъ голосованіе*, я хочу сказать—болѣе политическимъ. Въ этомъ состояла политика профессиональныхъ антиполитиковъ, антипарламентарныхъ синдикалистовъ. Мы думали тогда, мы продолжаемъ еще думать... что буржуа и капиталисты начали первыми. Я хочу сказать, что буржуа и

капиталисты еще ранѣе рабочихъ, гораздо ранѣе рабочихъ перестали исполнять свои социальныя обязанности. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что саботажъ сверху задолго предшествовалъ саботажу снизу, что саботажъ буржуазный и капиталистическій задолго предшествовалъ саботажу рабочему; что буржуа и капиталисты перестали любить свое буржуазное и капиталистическое дѣло гораздо ранѣе, чѣмъ рабочіе перестали любить свое рабочее дѣло. Какъ разъ въ этомъ порядкѣ, начиная съ буржуа и капиталистовъ, началось это общее дезертированіе съ поприща труда, которое является самымъ глубокимъ порокомъ, можно сказать, центральнымъ порокомъ современнаго общества. Если таково было общее положеніе современнаго общества, то ни въ коемъ случаѣ не слѣдовало, какъ это сдѣлали наши синдикалистскіе политики, изобрѣтать, *прибавлять* рабочій безпорядокъ къ безпорядку буржуазному, саботажъ рабочій къ саботажу буржуазному и капиталистическому. Надо было поступать какъ разъ наоборотъ. Нашъ социализмъ и былъ, по сущности своей и также офиціально, общей теоріей, доктриной, общимъ методомъ, философіей организаци и реорганизаци труда, доктриной *реставраціи* труда...

„Выразимся яснѣе: для философа, для всякаго философствующаго нашъ социализмъ былъ и не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ религіей земнаго спасенія. И въ настоящее время онъ является не чѣмъ инымъ. Мы хотѣли попытаться добиться земнаго спасенія человѣчества посредствомъ оздоровленія рабочаго класса, посредствомъ оздоровленія труда и міра труда, посредствомъ реставраціи труда и достоинства труда, посредствомъ оздоровленія, перерожденія органическаго и молекулярнаго міра труда и черезъ его посредство всего хозяйственнаго и промышленнаго міра. Мы хотѣли оздоровить міръ промышленный, который мы противопоставляемъ міру интеллигентовъ и политиковъ, міру школьному и парламентскому.

„Посредствомъ возрожденія нравовъ въ промышленности, посредствомъ оздоровленія промышленной мастерской мы надѣялись достигнуть, пытались найти земное спасеніе человѣчества. Только тѣ будутъ смѣяться надъ этимъ, которые не видятъ, что даже христіанство, которое является религіей вѣчнаго спасенія, запуталось въ этой тинѣ дурныхъ нравовъ въ промышленности и въ хозяйствѣ, что даже и оно не выйдетъ изъ нея безъ экономической и хозяйственной революціи, что, наконецъ, нѣтъ болѣе подходящаго мѣста гибели, нѣтъ инструмента гибели лучше приспособленнаго, чѣмъ современная мастерская“ („Notre jeunesse“, 1910, p. 132—35).

На слѣдующихъ страницахъ Пегги снова уясняетъ отношеніе социализма, который онъ исповѣдывалъ, къ національному вопросу.

„Если таковъ былъ нашъ социализмъ—а это не составляло тогда

тайны ни для кого и никто въ этомъ не сомнѣвался,—то очевидно, что онъ не только не покушался и не могъ покушаться на законныя права націй, но, производя это оздоровленіе, онъ тѣмъ самымъ долженъ былъ произвести оздоровленіе націонализма и самой націи и служить интересамъ, защищать наиболѣе существенныя интересы, спасти наиболѣе законныя права народовъ, права и интересы наиболѣе священные. Только онъ одинъ могъ это дѣлать, только онъ одинъ это дѣлалъ. Мы ни въ коемъ случаѣ не хотѣли насиловать націю, народы, обезличить ихъ, стирать ихъ національный характеръ; мы хотѣли замѣстить анархическую конкуренцію участвующихъ въ бѣшеной скачкѣ народовъ, здоровымъ лѣсомъ, свободно растущимъ лѣсомъ народовъ, живущихъ въ благополучіи, народомъ цвѣтущихъ народовъ, могущихъ свободно развиваться, свободныхъ какъ отъ гнета экономическаго, такъ и отъ органической молекулярной порчи, являющейся слѣдствіемъ дурныхъ нравовъ въ промышленности и хозяйствѣ. Это не значило уничтожить націю и народы. Это значило, наоборотъ, основать ихъ, дать имъ почву подъ ногами, дать имъ родиться и свободно развиваться. Это значило *создать* ихъ. Мы были тогда увѣрены, что міръ страдаетъ бесконечно болѣе отъ саботажа буржуазнаго и капиталистическаго, чѣмъ отъ саботажа рабочаго. Саботажъ, можно сказать, сталъ второй натурой буржуазнаго міра. Онъ, однако, далеко не такъ глубоко проникъ въ рабочій міръ. И онъ тамъ не играетъ той роли. Онъ не сталъ второй натурой. Въ противоположность тому, какъ думаютъ обыкновенно, саботажъ не врожденъ рабочему классу, не рожденъ въ рабочемъ классѣ. Рабочій классъ ему научается. Его этому научаютъ догматически, какъ чужому изобрѣтенію. Онъ является буржуазнымъ изобрѣтеніемъ, — изобрѣтеніемъ политическимъ, парламентскимъ, имѣющимъ чисто-интеллигентскій характеръ и проникающимъ сверху внизъ, благодаря постепенному зараженію, въ рабочую среду. Но это изобрѣтеніе встрѣчаетъ тамъ такое сопротивленіе, какого оно никогда не встрѣчало въ буржуазной средѣ. Оно тамъ наталкивается на непредвидѣнные препятствія, на сопротивленія неизмѣримой глубины, на ту вѣковую любовь къ труду, которая испоконъ вѣковъ обогащала трудовое сердце. Міръ буржуазный и капиталистическій почти весь цѣликомъ, такъ сказать, цѣликомъ, преданъ удовольствію. А между тѣмъ можно найти еще большое число рабочихъ, и не только старыхъ, которые *любятъ трудъ*“ („Notre jeunesse“, р. 143—146).

Если, по мнѣнію Пегги, саботажъ является изобрѣтеніемъ буржуазнымъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы это свойство лежало въ существѣ природы этого класса. Буржуазія, если она исполняетъ свою миссію, если она любитъ то дѣло, которому она должна служить, будутъ свойственны тѣ же добродѣтели, которыя свойственны рабочему классу.

Это показываютъ тѣ буржуазныя семьи, которыя поддерживаютъ и расширяютъ доставшіяся имъ по наслѣдству предпріятія и которыя дѣлаютъ это не только изъ стремленія къ власти и изъ любви къ наживѣ, а изъ любви къ своему дѣлу, изъ пониманія, что ихъ предпріятіе является необходимымъ звеномъ въ народномъ хозяйствѣ.

Согласно Пеги, главное зло новѣйшаго времени происходитъ отъ излишняго господства интеллектуализма, который преувеличиваетъ свои силы и который сознательно или безсознательно превращается въ метафизическую доктрину. Интеллектуализмъ забылъ о корняхъ, которые его связываютъ съ жизнью. Опирая постоянно надъ искусственными схемами, онъ хочетъ подчинить этимъ схемамъ, втиснуть въ рамки этихъ схемъ живую святую дѣйствительность. Забывъ, что эти схемы имѣютъ только служебный характеръ, что онъ постольку освященъ дыханіемъ вѣчности, поскольку онъ сохранили въ себѣ источники своего происхожденія, поскольку онъ согрѣты вѣрою и любовью, онъ этимъ схемамъ придаетъ характеръ чего-то абсолютнаго. Незамѣтнымъ образомъ все, что есть цѣннаго для насъ въ вѣчномъ, отодвигается на задній планъ; вѣчное какъ будто совсѣмъ исчезаетъ, и все отдается въ жертву временному, преходящему; временное начинаетъ надѣляться всѣми атрибутами вѣчнаго. Слѣдствіемъ этого процесса является то, что личный, эгоистическій, преходящій человѣческій интересъ, будетъ ли это интересъ человѣка въ отдѣльности или интересъ человѣческаго общества, интересъ націи, принимаетъ характеръ какого-то божества, которому все приносится въ жертву.

Если благодаря этому не создается новой религіи, то во всякомъ случаѣ возникаетъ цѣлый классъ людей, которые являются официальными служителями этой несознанной, несуществующей религіи. Приверженцы интеллектуализма, которые являются создателями искусственныхъ схемъ и которые въ этихъ только схемахъ чувствуютъ себя, какъ дома, являются какъ разъ самыми подходящими священнослужителями этой несуществующей религіи. Такимъ образомъ, создается новая антиклерикальная клерикальная партія.

Конечно, сторонники современныхъ антиметафизическихъ философскихъ системъ будутъ отрешиваться отъ всякой метафизики, но это не мѣшаетъ имъ имѣть свою метафизику и даже навязывать ее другимъ, когда они волею судебъ занимаютъ господствующее положеніе въ государствѣ.

Противъ навязыванія своей доктрины свѣтскимъ государствомъ и возставалъ Пеги, когда онъ боролся съ антиклерикализмомъ. Пеги не возстаетъ противъ права интеллектуальной партіи имѣть свою доктрину, свою метафизику, даже если эта послѣдняя и не въ состояніи выдержать самаго элементарнаго философскаго экзамена. „Современная ин-

теллектуальная партія, современные интеллигенты, ¹⁾—говорить Пегі,—имѣютъ, конечно, право исповѣдывать какую угодно метафизику, какую угодно философію, какую угодно религію, они могутъ удовлетворяться какимъ угодно суевѣріемъ, какъ бы грубымъ намъ таковое ни казалось, это насъ не касается; здѣсь рѣчь идетъ о томъ, является ли обязанностью, функціей, долгомъ современнаго государства принятіе этой доктрины и навязываніе ея съ помощью тѣхъ огромныхъ средствъ, которыми располагаетъ современный государственный механизмъ („De la situation faite au parti intellectuel dans le monde moderne“, 1906, p. 67).

Имѣя въ виду это обстоятельство, Пегі обращается къ народнымъ учителямъ съ слѣдующими трогательными страницами:

„Почему вы хотите представлять собой въ нѣкоторомъ родѣ духовное правительство? Почему вы хотите имѣть политику и навязывать ее? Почему вы хотите имѣть метафизику и навязывать ее? Почему вы хотите имѣть какую-нибудь систему и навязывать ее?

„Обязанность ваша заключается въ томъ, чтобы научить читать, писать и считать. Учите же читать, писать и считать. Это не только полезно. Это не только очень почтенное занятіе. Это является основой всего. *Onz connaît ses quatre devoirs*, говорили про кого-нибудь, когда я былъ маленькимъ. Пусть же учителя научаютъ четверемъ дѣйствіямъ. Я не желаю играть словами, но, не говоря о томъ, какъ хорошо было бы, если бы, дѣйствительно, научали писать, было бы большимъ прогрессомъ (разъ говорятъ, что существуетъ прогрессъ), если бы мы были народомъ, который умѣетъ читать и считать. И если бы, сверхъ того, наши учителя занялись бы тѣмъ, чтобы спасти нашу страну отъ двухъ бичей (политики и алкоголизма), которые постоянно угрожаютъ нашей странѣ, то хватило бы работы для жизни не одного человѣка“.

Пегі не по себѣ среди общества, въ которомъ все изсушающій интеллектуализмъ царитъ надъ всѣмъ, гдѣ жизнь должна подчиняться навязаннымъ ей извнѣ цѣлямъ, гдѣ обо всемъ судятъ съ точки зрѣнія внѣшнихъ человѣческихъ интересовъ и гдѣ въ концѣ-концовъ должны брать верхъ люди, для которыхъ выше всего личный человѣческій интересъ. Интересъ государства отождествляется въ такомъ случаѣ съ интересомъ извѣстнаго класса людей, а чтобы дать этому оправданіе, говорить, что этого требуетъ прогрессъ.

Все зло современной жизни заключается въ томъ, что современные интеллигенты, современные представители интеллектуализма, люди, дѣйствующие подъ флагомъ этой доктрины, стараются использовать вѣчное

¹⁾ „Les intellectuels modernes, le parti intellectuel moderne“.

въ интересахъ земного, въ интересахъ преходящаго. Мы предпочитаемъ, чтобы человѣкъ, который добивается чего-нибудь ради земныхъ цѣлей, не скрывалъ этого, а признавалъ это открыто. Мы предпочитаемъ человѣка, который не прикрывается высокимъ знаменемъ своей профессіи, когда онъ добивается земныхъ благъ, тому, кто говоритъ при этомъ громкія слова. Въ прошломъ мы судимъ иначе земныя вождельнія бароновъ, чѣмъ вождельнія епископовъ, земныя вождельнія свѣтскихъ людей иначе, чѣмъ вождельнія духовныхъ лицъ, земныя вождельнія представителей военной профессіи иначе, чѣмъ вождельнія священниковъ.

Наше нравственное чувство не можетъ остаться равнодушнымъ, когда мы видимъ, что люди, въ чьихъ рукахъ должна находиться защита нашихъ духовныхъ интересовъ, стремятся къ земнымъ благамъ, пользуются своимъ положеніемъ для того, чтобы достигнуть земныхъ цѣлей. Когда мы видимъ въ настоящее время, что человѣкъ, занимающій положеніе министра, депутата, журналиста, стремится разбогатѣть, занять видное въ матеріальномъ отношеніи и по вліянію положеніе, мы къ этому относимся равнодушно; это какъ бы связано съ профессіей даннаго человѣка; являясь свидѣтелями такихъ фактовъ, мы не страдаемъ ни за даннаго человѣка, ни за себя. Иное дѣло, „когда этимъ занимается интеллигентъ, лицо профессіи, имѣющей характеръ профессіи не временной, ¹⁾ профессіи, имѣющей задачей защиту духовныхъ интересовъ, духовное руководство, когда къ этому стремится учитель или профессоръ...“

Чтобы понять, какъ произошло это незаконное вмѣшательство повсюду интеллигентовъ (intellectuels), къ которымъ перешло духовное руководство обществомъ, это смѣшеніе земныхъ цѣлей съ неземными, непреходящими, мы должны оглянуться назадъ и посмотреть, какъ рисуется Пеги политическое развитіе Франціи со времени французской революціи.

Революція, согласно Пеги, основала традицію, консервативную систему, новый порядокъ, начатки котораго показывались за много лѣтъ ранѣе. Пусть даже этотъ порядокъ, какъ многіе думаютъ въ настоящее время, не могъ сравниться съ старымъ порядкомъ, но это былъ во всякомъ случаѣ новый порядокъ, а не беспорядокъ, какъ утверждаютъ реакціонеры. Порядокъ этотъ выродился затѣмъ въ беспорядокъ, который достигъ своего кульминаціоннаго пункта во времена директоріи. Послѣ этого начинаются *реставраціи*, подъ именемъ которыхъ слѣдуетъ понимать реставраціи порядка, каковъ бы ни былъ этотъ порядокъ, и *пертурбаціи*, подъ именемъ которыхъ слѣдуетъ понимать введеніе беспорядка въ государственную жизнь. Восемнадцатое брѣ-

¹⁾ Intemporel.

мера было, конечно, реставраціей (республиканской и монархической въ одно и то же время), и его отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ государственнымъ переворотомъ 2 декабря. 1830 годъ былъ реставраціей республиканской; то же самое слѣдуетъ сказать о 1848 г., который является въ то же время взрывомъ республиканской мистики; июньскіе дни представляли второй усиленный взрывъ этой мистики. Наоборотъ, переворотъ 2 декабря былъ пертурбаціей, введеніемъ безпорядка, наибольшей пертурбаціей, какую знаетъ исторія Франціи въ теченіе XIX в.; онъ не только поставилъ во главу націи, онъ сотворилъ, онъ ввелъ въ тѣло націи, въ ткани политическаго и соціальнаго тѣла націи новый элементъ не мистическій, но чисто политическій, демагогическій: вся сущность этого переворота заключается въ введеніи демагогіи. 4 сентября было реставраціей республиканской; 31 октября и 22 января были также республиканскими днями; даже 18 марта было республиканскимъ днемъ, республиканской реставраціей въ извѣстномъ смыслѣ, а не только припадкомъ лихорадки; оно представляло второе возмущеніе, второй взрывъ мистики республиканской и націоналистической въ одно и то же время, мистики патріотической; майскіе дни представляли, конечно, пертурбацію, а не реставрацію; республика была реставраціей приблизительно до 1881 года, съ какого времени тиранія интеллигентовъ и господство полунинтеллигентовъ ¹⁾ начинаютъ превращать ее въ правительство безпорядка.

Слѣдуетъ остерегаться и не судить на основаніи внѣшняго сходства, сходства названій о внутреннемъ сходствѣ: такъ же какъ вторая имперія въ дѣйствительности, исторически не является продолженіемъ первой имперіи, такъ и третья республика не является своимъ собственнымъ продолженіемъ. Хотя въ 1881 году не произошло никакого особеннаго событія, но съ этого времени происходитъ разрывъ, изъ республики республиканской она превращается въ республику цезаристскую.

Какъ объяснить это превращеніе? Это, какъ и всякія другія подобныя превращенія, объясняется тѣмъ, что „мы недолжнымъ образомъ продолжаемъ въ политикѣ линію поведенія, должнымъ образомъ начатую въ мистикѣ. Дѣйствіе началось въ мистикѣ, имѣло тамъ свои корни, свое начало. Это дѣйствіе было хорошо направлено. Оно было не только естественнымъ, не только законнымъ, оно было должнымъ. Жизнь между тѣмъ идетъ своимъ путемъ. Дѣйствіе слѣдуетъ своему теченію. Человѣкъ довольствуется тѣмъ, что смотритъ черезъ дверцы: вѣдь имѣется машинистъ, который направляетъ машину, чего же заботиться о ея ходѣ? Жизнь продолжается. Дѣйствіе продолжается. Нить дѣйствія, линія

¹⁾ La tyrannie intellectuelle et la domination primaire (primaire отъ enseignement primaire).

дѣйствія продолжается, идетъ въ прежнемъ направленіи, линия поведенія остается той же, что и раньше. И такъ продолжается; приходится имѣть дѣло съ тѣми же лицами, тѣми же учреждениями, той же окружающей обстановкой, тѣми же аппаратомъ, той же мебелью, тѣми же усвоенными привычками; неудивительно, что въ такомъ случаѣ не замѣчаютъ, какъ перескакиваютъ черезъ точку разрыва, какъ переходятъ черезъ точку, которая отдѣляетъ мистику отъ политики. Съ другой стороны, тамъ, внѣ насъ, событія также идутъ своимъ ходомъ. И такимъ образомъ не замѣчаютъ, какъ стрѣлка передвинулась. Благодаря игрѣ событій и исторіи, благодаря низости и грѣховности человѣка, мистика превратилась въ политику или скорѣе мистическое дѣйствіе стало политическимъ дѣйствіемъ, политика замѣнила мистику, политика поглотила мистику... И поведеніе, которое ранѣе было правильнымъ, становится, начиная съ пункта, когда мистика перевалила въ политику, неправильнымъ...

„Дѣйствіе, поведеніе, которое раньше было чистымъ, становится дѣйствіемъ, поведеніемъ грязнымъ.

„Такимъ образомъ, человѣкъ становится невиннымъ преступникомъ, преступникомъ, можетъ быть, самаго опаснаго вида.

„Дѣйствіе, начатое въ порывѣ мистики, продолжается въ политикѣ, и мы не чувствуемъ, что мы прошли точку перевала изъ мистики въ политику. Политика поглощаетъ мистику, и мы не прыгаемъ, когда мы проходимъ черезъ эту точку разрыва“ („Notre jeunesse“ 1910, p. 38—40).

Пеги ясно видитъ, что окружающіе его не замѣчаютъ, какъ мистика перевалила въ политику, выродилась въ политику въ современномъ французскомъ обществѣ. Старое поколѣніе живетъ прежними иллюзіями, и для него все окрашено въ республиканскій мистическій цвѣтъ; молодое же поколѣніе считаетъ себя слишкомъ умнымъ, чтобы нуждаться въ какой-либо мистикѣ. Понятна поэтому тревога, которая должна овладѣвать поколѣніемъ, къ которому принадлежитъ Пеги, понятенъ трагизмъ положенія этого поколѣнія; ему тяжело отъ того, что его никто не понимаетъ, не хочетъ понимать: ни поколѣніе болѣе старое, ни поколѣніе болѣе молодое.

„Зачѣмъ это отрицать? Все промежуточное поколѣніе (между нами и нашими дѣтьми) потеряло республиканское чувство, вкусъ къ Республикѣ, инстинктъ республиканской мистики, инстинктъ, который для насъ дороже всякаго знанія, который даетъ намъ больше достовѣрности, чѣмъ всякое знаніе. Это поколѣніе стало совершенно чуждымъ республиканской мистикѣ.

„Сейчасъ за нами начинается поколѣніе, которое мы не переставали называть современнымъ поколѣніемъ. Поколѣніе, которое считаетъ себя очень умнымъ, поколѣніе, которое хитритъ и съ собой и съ дру-

гими. Поколѣніе умныхъ, передовыхъ, которые все знаютъ, которымъ нечего показывать, которыхъ не заставишь повѣрить. Поколѣніе тѣхъ, которыхъ нечему болѣе учить. Поколѣніе тѣхъ, которые уже не будутъ дураками, глупцами, какъ мы бѣдные. Т.-е. поколѣніе тѣхъ, которые не вѣрятъ ни во что, даже въ атеизмъ; поколѣніе тѣхъ, которые не понимаютъ, какъ можно быть преданнымъ чему-нибудь, какъ можно жертвовать чѣмъ-нибудь для чего-нибудь. Точнѣе: поколѣніе тѣхъ, которые не имѣютъ никакой мистики. И они этимъ еще хвастаютъ. Не слѣдуетъ обманывать себя, и пусть никто этому не радуется ни съ той, ни съ другой стороны. Движеніе, благодаря которому Франція теряетъ *вѣру въ республику*, въ сущности есть вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе, благодаря которому Франція теряетъ *вѣру въ христіанство*. Оба эти движенія являются слѣдствіемъ того глубокаго движенія, которое ведетъ къ *исчезновенію мистики*. Слѣдствіемъ одного и того же глубокаго движенія является и то, что этотъ народъ перестаетъ вѣрить въ Республику, и то, что онъ перестаетъ вѣрить въ Бога, то, что онъ не хочетъ болѣе вести республиканскій образъ жизни, и то, что онъ не хочетъ болѣе вести христіанскій образъ жизни (что послѣдній ему успѣлъ надобѣсть); можно было бы почти утверждать то, что онъ не хочетъ болѣе вѣрить въ кумировъ, и то, что онъ не хочетъ болѣе вѣрить въ истиннаго Бога. *Одно и то же* безвѣріе простирается и на идоловъ и на Бога, на ложныхъ боговъ и на истиннаго Бога, на боговъ античныхъ и на новаго Бога, на боговъ древнихъ и на христіанскаго Бога. Одно и то же безплодіе изсушаетъ градъ и христіанство; градъ политическій и градъ христіанскій; градъ человѣческій и градъ Божій. Это, собственно говоря, и есть современное безплодіе. Пусть же никто не радуется, видя несчастіе, которое случается съ его недругомъ, противникомъ, сосѣдомъ; потому что *то же* несчастіе случится и у него, *то же* безплодіе постигнетъ и его. Споръ въ сущности идетъ не между республикой и монархіей, не между республикой и королевскою властью, если ихъ разсматриваютъ какъ политическія формы, споръ идетъ не между старымъ французскимъ режимомъ и новымъ французскимъ режимомъ; современный строй ¹⁾ идетъ противъ традицій не только стараго французскаго режима, но противъ традицій всѣхъ старыхъ режимовъ, всѣхъ старыхъ культуръ, всего, что есть культура, всего, что есть общественный строй. Мы видимъ въ данномъ случаѣ, можетъ быть, въ первый разъ, какъ цѣлое общество живетъ и благоденствуетъ, *какъ будто* благоденствуетъ, идя *противъ всякой культуры*“ (Notre jeunesse p. 13—15).

Пегі съ печалью смотритъ на свое поколѣніе, на поколѣніе людей, которымъ сорокъ лѣтъ.

¹⁾ Monde moderna.

„Мы находимся между двумя рядами поколѣній. Никто не хочет намъ вѣрить. Мы неправы какъ въ глазахъ поколѣній, которыя намъ предшествуютъ, такъ и въ глазахъ поколѣній, которыя слѣдуютъ за нами. Когда мы говоримъ старымъ республиканцамъ: осмотритесь хорошо, послѣ насъ никого не остается, они поводятъ плечами. Они вѣрятъ, что людей ихъ вѣры еще хватитъ надолго, что этотъ родъ людей не переведется. И когда мы говоримъ молодежи: будьте осторожны, не говорите съ такимъ пренебреженіемъ о республикѣ; она не всегда представляла собой сборище политикановъ, она имѣетъ за собой мистику, она имѣетъ въ себѣ мистику; она имѣетъ за собой цѣлое прошлое славы, цѣлое прошлое чести и—что, можетъ быть, еще болѣе важно, болѣе близко къ сути—цѣлое прошлое расы, героизма, а можетъ быть, и святости, когда мы говоримъ это молодымъ людямъ, они насъ мягко презираютъ и готовы насъ обозвать старыми тряпками“ („Notre jeunesse“, р. 16).

Обращаясь къ этимъ молодымъ людямъ, Пегги говоритъ: „Будьте осторожны. Когда вы говорите съ легкостью, когда вы такъ презрительно относитесь къ республикѣ, вы рискуете не только быть несправедливыми, вы рискуете—а это вѣдь очень важно съ точки зрѣнія вашей системы, вашихъ идей—быть глупыми, вы рискуете остаться въ дуракахъ. Вы забываете, вы упускаете изъ виду, что существовала республиканская мистика, а тѣмъ, что вы ее забудете или не признаете, вы не изгладите ея существованія. Люди умирали за свободу, какъ люди умирали за вѣру. Эти выборы вамъ кажутся смѣшной формальностью, лживой и подтасованной. Вы имѣете право утверждать это. Но люди жили, люди безъ числа, герои, мученики, я скажу святые—и когда я говорю *святые*, я знаю, можетъ быть, что я говорю,—люди жили героически, подвижнически, люди страдали, люди умирали, цѣлый народъ жилъ для того, чтобы послѣдній изъ дураковъ имѣлъ право въ настоящее время исполнить эту подтасованную формальность. Это были ужасно болѣзненные роды. Это не всегда было такъ смѣшно. И вокругъ насъ цѣлые народы, цѣлыя расы борются и трудятся для того, чтобы получить эту пустую формальность. Эти выборы смѣшны. ¹⁾ Но было время, мой дорогой Variot, было героическое время, когда больные и умирающіе заставляли носить себя на носилкахъ для того, чтобы имѣть возможность *опустить избирательный бюллетень*.“

Эти выборы смѣшны. Но героизмъ и подвижничество, посредствомъ которыхъ добиваются этихъ смѣшныхъ результатовъ, смѣшныхъ во времени, это то, что есть наиболѣе великаго, наиболѣе святого на свѣтѣ. Это то, что есть наиболѣе красиваго. Вы насъ упрекаете въ

¹⁾ Пегги писалъ эти страницы во время выборовъ 1910 года.

деградации этихъ результатовъ, нашихъ результатовъ. Посмотрите же на себя. Посмотрите на ваши собственные результаты. Не представляетъ ли вырожденіе мистики въ политику—общаго закона?

Вы говорите намъ о вырожденіи республиканскомъ, т.-е., собственно говоря, о вырожденіи республиканской мистики въ республиканскую политику. Но свойственно ли это вырожденіе одной только республикѣ? Все начинается мистикой и кончается политикой. Интересъ вопроса не въ томъ, чтобы знать, какая изъ политикъ возьметъ верхъ надъ другой. Важно то, чтобы во *всякомъ порядкѣ, во всякой системѣ мистика не была бы поглощена политикой, которая беретъ въ ней начало* („Notre jeunesse“, р. 25—27).

Пегі возстаетъ одинаково какъ противъ тѣхъ, которые въ школахъ скрываютъ мистику старой Франціи, мистику стараго режима, такъ и противъ тѣхъ (современныхъ французскихъ роялистовъ), для которыхъ не существуетъ та мистика старой Франціи, которая проявилась въ республиканской мистикѣ, въ мистикѣ революціи. Что касается будущаго поколѣнія, то Пегі надѣется, что оно будетъ поколѣніемъ мистическимъ, и что при немъ во Франціи опять возродятся вмѣстѣ, сразу обѣ мистики: мистика республиканская и мистика христіанская („Notre jeunesse“, р. 17).

Нельзя безъ волненія читать строки, въ которыхъ Пегі говорить о томъ, что современное общество все опошляетъ, что опошляется даже смерть. Последнее сказано по поводу церемоніи на похоронахъ извѣстнаго химика Бергло.

Сколько въ этомъ правды и глубокой правды! Паоосъ, который чувствовался при разныхъ церемоніяхъ въ прежнее время и который проявлялся въ разные торжественныя и исторжественныя минуты обыденной жизни, исчезъ куда-то и, что еще хуже, кажется даже смѣшнымъ современному поколѣнію.

Въ прежнее время все было основано на почитаніи, на уваженіи. Теперь же уваженіе къ чему бы то ни было исчезло. Уваженіе, которое состояло въ преклоненіи передъ духовной силой, исчезло; въ настоящее время уважаютъ только матеріальное могущество, преклоняются только передъ матеріальнымъ могуществомъ. Даже славѣ, которая раньше была только духовной силой, теперь пришлось стушеваться передъ матеріальными силами, илп, скорѣе, передъ одной матеріальной силой, передъ силой денегъ.

Ставя одновременно вопросъ объ исчезновеніи любви къ труду и угасаніи вѣры съ вопросомъ о могуществѣ денегъ, Пегі подходитъ къ одному изъ самыхъ больныхъ вопросовъ нашего времени, къ вопросу, который, быть можетъ, играетъ не последнюю роль въ разыгрывающихся передъ нашими глазами грандіозныхъ событіяхъ и раз-

личное пониманіе котораго было, быть можетъ, одной изъ причинъ того столкновенія различныхъ культуръ, свидѣтелями котораго мы являемся.

Пусть не думаютъ, что къ денежному вопросу, къ деньгамъ слѣдуетъ относиться съ презрѣніемъ. „Деньги очень почтенная вещь; безъ нихъ вѣдь нельзя жить. Деньги очень почтенная вещь, когда ихъ зарабатываютъ“, и люди, роль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы реализовать цѣнности, также занимаются очень почтенною дѣятельностью, если послѣдняя не выходитъ за рамки дѣятельности арбитровъ продающихся цѣнностей. Но въ современной жизни дѣло, къ сожалѣнію, обстоитъ не такъ: власть денегъ надъ всѣмъ дѣлаетъ то, что и человѣческій трудъ становится цѣнностью, которой, какъ и всякой другой, спекулируютъ на биржѣ.

Съ другой стороны, если деньги даютъ власть въ современномъ обществѣ, то люди пользуются различными вліяніями, которыя по существу своему не должны имѣть ничего общаго съ денежнымъ вопросомъ, для того чтобы добыть себѣ денегъ, чтобы добиться матеріальныхъ благъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что измѣненіе нравовъ въ области промышленной, хозяйственной жизни имѣетъ своимъ откликомъ измѣненіе нравовъ въ сферѣ умственной и нравственной жизни человѣка; въ свою очередь, измѣнившіеся нравы въ сферѣ интеллектуальной оказываютъ вліяніе на нравы хозяйственной жизни.

Конечно, у Пеги мы не найдемъ всесторонняго изученія вопросовъ, связанныхъ съ проблемами любви къ труду и власти денегъ; ¹⁾ онъ пророкъ и моралистъ, на экономическую необходимость, на нашу человѣческую необходимость, которой мы готовы многое оправдать, онъ не всегда смотритъ нашими глазами; онъ бичуетъ однихъ, врачуетъ другихъ и, видя во многомъ волю рока, все же не хочетъ мириться съ обстоятельствами, возстаетъ противъ нихъ.

Мы посвятили нашу статью почти одной только проблемѣ, одной сторонѣ міросозерцанія Пеги, именно мистическому, религіозному тол-

¹⁾ Какъ по своей конструкціи, такъ и по методу изложенія, сочиненія Пеги далеки отъ характера научныхъ трудовъ; это произведенія публициста, полемиста, моралиста; высказываемыя положенія не всегда доказываются; стиль въ нихъ особенный: онъ полонъ повторовъ. Можетъ случиться, что читателю, которому впервые попадетъ какое-либо изъ сочиненій Пеги, нужно будетъ кой-что преодолѣть въ себѣ, чтобы внимательно слѣдить за мыслями Пеги; но зато, когда читатель освоится съ манерой писателя, онъ увидитъ, что между строками сквозитъ философъ, настоящій философъ. И историкъ, и философъ, и всякій любящій думать читатель найдетъ у Пеги много интересныхъ мыслей. Про Пеги говорили полшутя, полусерьезно, что онъ изъ лавочки, помѣщающейся въ домѣ № 8 rue de la Sorbonne (контора „Cahiers de la Quinzaine“) конкурируетъ съ Сорбонной (Пеги прибавилъ бы: съ новой Сорбонной, а не со старой).

кованію общественности; мы совсѣмъ не коснулись религіозной мистики Пегі въ собственномъ смыслѣ этого слова, которой посвящены его поэтическія произведенія.

Сейчасъ же мы хотимъ вернуться къ вопросу, поставленному нами въ началѣ статьи. Пегі претерпѣлъ эволюцію въ теченіе своей не очень долгой, но полной бурь и тревогъ литературной дѣятельности: онъ разочаровался отчасти въ однихъ идеалахъ и перешелъ къ другимъ. Но нѣтъ ли чего-нибудь, что красной нитью проходитъ черезъ всю его литературную дѣятельность? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, что Пегі всегда уважалъ всякую искреннюю мысль, что онъ болѣе всего цѣнилъ свободу искренней мысли; онъ не оплевывалъ чужихъ боговъ и своихъ боговъ не сжигалъ, а идоловъ оставленныхъ онъ продолжалъ хранить въ глубинѣ своего сердца.

Другъ Пегі, Daniel Halévy прекрасно выразилъ эту мысль въ слѣдующихъ страницахъ своего сочиненія о Пегі. ¹⁾

„Революціонеръ ли онъ, христіанинъ ли онъ, онъ слышитъ голосъ все той же женщины, все той же святой. ²⁾ Будучи женщиной, она имѣетъ въ себѣ элементы святости; будучи святой, она все же остается женщиной. Благодать ее сопровождаетъ повсюду. На Бога надѣйся, а самъ не плошай, гласитъ народная поговорка. Эта поговорка намъ вполне объясняетъ работу, дѣло Пегі.

„Тайна, которая его влечетъ, христіанская; но какого христіанства? Его христіанство не протестантское: для него существуетъ множество святыхъ и ангеловъ; оно не модернистское: все чудесное дѣйствительно; оно католическое; это ревностный католицизмъ, но не клерикальный: его крестьяне не интересуются кюре, а только одна монахиня, которая проходитъ по сценѣ, олицетворяетъ всѣ учрежденія церкви. Это молодой католицизмъ и, какъ вѣрно замѣтилъ такой компетентный цѣнитель, какъ Морисъ Барресь, это католицизмъ, „который таитъ въ себѣ большія опасности“; это католицизмъ временъ до Возрожденія и Реформаціи, изъ которыхъ Возрожденіе оспаривало у католицизма искусство, а Реформація свободную духовность. Всѣ чувства, выраженные Пегі, не идутъ противъ правовѣрнаго католицизма, тождественны съ нимъ, но эта тождественность не навязанная. Эти чувства идутъ изъ глубины народнаго сердца, они недѣланныя, какъ недѣланно то, что выходитъ изъ устъ народа. Мы имѣемъ передъ собой не построенную искусственно ученымъ, но вновь созданную вдохновеніемъ поэта религію народа, который далъ Церкви больше, чѣмъ взялъ отъ нея,

¹⁾ „Quelques nouveaux maîtres“ (Les cahiers du centre 1914). Paris, Figuière.

²⁾ Halévy имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду два поэтическихъ произведенія, которыя оба посвящены Jeanne d'Arc и изъ которыхъ одно написано до, а второе послѣ религіознаго перелома Пегі.

который далъ Церкви свой порывъ. Церковь родилась на поляхъ,—говоритъ Баррессъ,—согласно Пегги, народъ рождаетъ Церковь, Церковь выходитъ изъ народа.

„Поэтому въ этомъ столь религиозномъ произведеніи нѣтъ ни слѣда ханжества, каждое слово въ немъ дышитъ свободой. Напрашивается поневолѣ сравненіе съ францисканской поэзіей: поэзія Пегги похожа на послѣднюю, хотя она вдохновлена другимъ народомъ. Когда крестьяне Умбрин слушаютъ св. Франциска, они оставляютъ орудія работы и даютъ обѣтъ никогда не вооружаться. Наоборотъ, если французскіе крестьяне, слушая Жанну, оставляютъ орудія работы, то они дѣлаютъ это для того, чтобы вооружаться. Святые, которыхъ воспѣваетъ Пегги, человѣчны и трудолюбивы. Сперва это Жанна, затѣмъ Женевьева, покровительница Парижа, которая спасаетъ свой родной городъ и доставляетъ ему хлѣбъ. Шарль Пегги въ живыхъ и свѣжихъ краскахъ рисуетъ намъ природный героизмъ своей расы. Этотъ героизмъ, если къ нему прививаютъ христіанское растеніе, даетъ христіанскіе плоды. Если къ нему прививаютъ другое растеніе, то онъ даетъ плоды, другіе по формѣ и по вкусу, но не по существу. Тотъ же Пегги, авторъ „Mystère de la Charité“ является въ то же время послѣднимъ французскимъ писателемъ, который посмѣлъ и сумѣлъ воспѣть солдатъ революціи.

„Недостойно забывать“—такъ думаетъ Пегги. Будучи революціонеромъ, онъ никогда не бросилъ камня въ вѣрующаго христіанина. Будучи христіаниномъ, онъ никогда не бросилъ камня въ человѣка, который съ достоинствомъ живетъ внѣ Церкви и внѣ обрядности. Пегги не измѣняетъ ни въ чемъ своей старой любви къ человѣчески трудолюбивой жизни, жизни ясной и чистой, жизни правильной въ трудолюбіи; онъ ни въ чемъ не измѣняетъ своей прежней любви къ наукѣ; если онъ на что нападаетъ, то на отсутствіе скромности у ученыхъ. Онъ разрабатываетъ, углубляетъ *мистику спасенія*; но онъ не перестаетъ и интересоваться *мистикой общественности*, не клеветаетъ на нее. Michelet, который является нечестивымъ для Claudel'я, остается старшимъ товарищемъ, если не учителемъ, для Пегги“ (р. 129—132).

Г. Селиберъ.